

М А С Т Е Р А Т Р И Л Л Е Р А

Н О Й Х О У Л И

ХОРОШИЙ ОТЕЦ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7 Coe)
X85

Серия «Мастера триллера»

Noah Hawley
THE GOOD FATHER

Печатается с разрешения 26 Keys, Inc и литературных агентств
Writers House LLC и Michael Meller Literary Agency GmbH.

Перевод с английского: *Галина Соловьева*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Хоули, Ной
Х85 Хороший отец / Ной Хоули.— Москва: Издательство
АСТ, 2017.— 411, [3] с. (Мастера триллера).

ISBN 978-5-17-094189-6

У доктора Пола Аллена прекрасная, хорошо оплачиваемая работа, любящая жена и две дочки. Но его стабильная, спланированная жизнь рушится, когда во время предвыборной гонки убивают кандидата в президенты, а убийцей оказывается сын Аллена от первого брака, Дэниел. Пол не может поверить в виновность сына, но момент покушения был снят на камеру, и никаких сомнений у Секретной службы нет, Дэниела приговаривают к смертной казни. Пытаясь спасти сына, Пол начинает собственное расследование. Все глубже погружаясь в жизнь Дэниела, умного подростка, который в 19 лет неожиданно бросил учебу и отправился скитаться по стране, отец попадает в темный мир тайн, бездомных и вечных странников, правительственных спецслужб и заговоров. Он начинает подозревать, что сын стал пешкой в чьей-то чужой игре, что его подставили и кто-то пытается скрыть истинных виновников убийства. Но поиски заставляют Пола по-иному взглянуть и на собственную жизнь: прошлое раскрывается перед ним в новом свете, а безобидные проступки оборачиваются зловещими предзнаменованиями. Пол всегда считал себя хорошим отцом, но что если в произошедшем виноват и он сам?

© 2011 by Noah Hawley
© Галина Соловьева, перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Кайль и Гвиневере — в доказательство,
что жизнь хороша*

Он купил пистолет на Лонг-Бич, в ломбарде «У Лаки». 9-миллиметровый «Троян». Это из сообщения полиции. Так как спусковой механизм заржавел, он сменил его, используя купленный через Интернет набор. Это было в мае. Он еще живет в Сакраменто: косящий мальчик с облупленными губами целые дни корпит в публичной библиотеке над книгами о знаменитых убийцах. До того он жил в Техасе, Монтане и Айове. Нигде не провел больше четырех месяцев. Иногда спал в машине. Так он путешествовал. Каждая миля пути приближала его к концу.

«Троян» — один из трех пистолетов, купленных им в последние месяцы перед событием. Он держал их в багажнике своей машины — желтой «хонды», которую полиция потом найдет на стоянке у спорт-комплекса «Стейплз» в пригороде Лос-Анджелеса. Одометр показывал 210 000 миль. Он много наездил за пятнадцать месяцев после ухода из колледжа. Иногда подрабатывал за наличные: поденная работа

в фастфудах или на стройках. В Сеть не выходил. Все в один голос говорили: он был тихий, замкнут в себе, чуточку упертый. Это уже потом, после многозубого следствия, таблоиды задокументировали его путь, тщательно воссоздав каждый шаг. Теперь есть таблицы, готовятся к выпуску книги. Но в первые часы после события никто ничего не знал. Что за молодой человек? Откуда взялся? Говорят, природа не терпит пустоты, но CNN ненавидит ее еще сильнее. Спустя мгновения после первого выстрела журналисты уже рылись в поисках предыстории, прокручивали заново записи, анализировали углы и траектории. Сразу раздобыли имя и снимки. Молодой человек, блестящие глаза, молочно-белая кожа, щурится на солнце. Ничего столь разоблачительно-го, как Ли Харви Освальд за чисткой винтовки. Но сквозь призму случившегося и эти снимки выглядели пророческими, как детские фотографии Гитлера. Хищный блеск глаз. Хотя можно ли сказать наверняка? В конце концов, это были всего лишь фотографии. Чем ближе их подносишь к глазам, тем они зернистее.

Как в любом событии, заслуживающем называться историческим, некоторые подробности остаются непроницаемой тайной. Даже теперь, по прошествии месяцев, остались пустоты, дни, о которых ничего не известно, — иногда целые недели. Мы знаем, что в августе, за год до того, он работал волонтером в Остине, в Техасе. Организаторам запомнился как толковый, трудолюбивый паренек. Десять месяцев спустя он чинил крыши в Лос-Анджелесе, ходил

тощий, с черными от вара ногтями, цеплялся за покатые листы крыши и дышал дымом.

К тому времени он больше года провел в странствиях. Один из дубленых хобо, затерявшихся в великом американском равнодушии. Где-то в пути сменил имя. Стал называть себя Картер Аллен Кэш. Ему нравился звук этого имени, его вкус на языке. Прежде его звали Дэниел Аллен. Ему было двадцать лет. Мальчиком он никогда не склонялся к бездумной мужской агрессии. Не собирал игрушечные пистолетики, не превращал в оружие все, что попадало в руки. Он спасал выпавших из гнезда птенцов. Делился. И все же оказался в маленьком тире, пристреливая автоматический пистолет на одном из двух узких огневых рубежей, забросанных окурками.

Ясными майскими ночами он, наверное, сидел в номерах мотелей, собирался с мыслями. Брал в руки патроны, открывал коробки, хрустел ими. Он был человеком-стрелой, летящей к неизбежному. В новостях показывали политиков, выступающих на провинциальных банкетах и пыльных фермах запада. Шла предвыборная война, избиратели и кандидаты, советники и деньги сливались в великое демократическое цунами. Сезон праймериз заканчивался. Впереди маячили партийные съезды. Сидя на полу в номере мотеля, Картер Аллен Кэш воображал, как проголосует пулей.

В семь лет он жил ради качелей. Разгибал ноги и задира л пятки к небу, вопя: «Еще, еще!» Ему всегда было мало, он не умел останавливаться, а его непоседливость вызывала у окружающих морскую

болезнь или ступор. Ночью он лежал на сбившейся постели, в съехавшей пижаме, наморщив лоб и сжав кулачки, как полностью обессиленный танцор. Кем был тот мальчик и как он стал мужчиной, играющим патронами в номере мотеля? Что заставило его бросить комфортную жизнь и пойти на насилие? Я читал сообщения, смотрел репортажи, но ответ мне не давался. А я больше всего на свете хотел понять.

Я, видите ли, его отец.

Он мой сын.

1

ДОМА

По четвергам у Алленов готовили пиццу. Последний прием в тот день у меня был назначен на одиннадцать утра, а в три я должен был сидеть в поезде на Вестпорт, просматривать карточки пациентов и отвечать на звонки. Мне нравилось, как отступает город, как кирпичные здания Бронкса скользят назад вдоль путей. Медленно вырастают деревья, победно врывается солнечный свет — словно крики ура при свержении старой тирании. Каньон становится долиной, долина переходит в поле. В поезде я чувствовал простор, слово бежал от судьбы, представлявшей неизбежной. Странно, ведь я вырос в Нью-Йорке, дитя асфальта и бетона. Но уже давно я стал задыхаться среди прямых углов и вечного воя сирен. Поэтому десять лет назад я перевез семью в Вестпорт штата Коннектикут. Мы поселились в пригороде, обзавелись мечтами и надеждами, свойственными семьям из пригородных домиков.

Я был ревматологом — заведовал отделением ревматологии в Пресвитерианской больнице Колумбийского университета на Манхэттене. Мало кто разбирается в моей специальности — она слишком часто ассоциируется со слезящимися глазами и влажным кашлем от острой пыльцовой аллергии. А на самом деле ревматология — подраздел терапии и педиатрии. Термин происходит от греческих корней «ревма», означающего «текущее, как река или поток», и «логос», означающего «учение». Ревматологи имеют дело с заболеваниями суставов, мягких тканей и сопутствующих осложнений на соединительные ткани. Мы часто оказываемся последним бастионом, к нам попадают пациенты с необъяснимыми симптомами, охватывающими целые системы организма — нервную, дыхательную, кровообращения. Ревматолога зовут, когда не удастся поставить диагноз.

Я был диагностом по профессии — врачом-детективом: анализировал симптомы и результаты анализов, отыскивал стойкие последствия заболеваний и забытые травмы. За восемнадцать лет эта работа мне не наскучила, и я часто брал ее с собой в постель, перечитывая истории болезней в минуты между явью и сном, отыскивая смысл в хаосе симптомов.

16 июня было солнечно, не слишком жарко, но угроза нью-йоркского лета висела в воздухе. Уже чувствовалась поднимающаяся от дорожек душная влага. Скоро любой бриз станет похож на горячее дыхание незнакомца. Скоро автомобильный выхлоп можно будет, дотянувшись, размазывать по небу,

как масляную краску. Но пока это была лишь угроза: легкая духота, испарина под мышками.

Я в тот день поздно вернулся домой. Дневной прием затянулся дольше обычного, и с поезда я сошел почти в шесть часов. Прошел пешком девять кварталов до дома между рядами ухоженных газонов. Над почтовыми ящиками висели американские флаги. Белый штакетник оград, и гостеприимный, и отстраняющий, мелькал на краю поля зрения, как велосипедные спицы. Чувство движения — мимо щелкает одно, другое... Здесь жили состоятельные люди, и я в их числе: врач-специалист, лектор, преподаватель из Колумбийского.

Я защитил диплом в эпоху до ГМО, до девальвации врачебного звания, и вполне состоялся. Деньги обеспечивали некоторую свободу и роскошь. Дом на четыре спальни, несколько акров всхолмленной земли с плакучими ивами и линиялым белым гамаком, лениво раскачивавшимся на ветру. В такие теплые вечера я, проходя тихим пригородом, ощущал покой и завершенность — не мелочное самодовольство, а глубокое человеческое чувство. Триумф марафонца после забега, ликование солдата по поводу завершения долгой войны. Человек принял вызов, справился с ним и от этого стал лучше, мудрее.

Фрэн, когда я вошел, уже занималась тестом — раскатывала его на мраморной столешнице. Близнецы терли сыр и подбирали крошки начинки. Фрэн — моя вторая жена: высокая, рыжая, с плавными изгибами ленивой реки. После сорока ее красота из атлетического блеска волейболистки перешла

в томное сладострастие. Вдумчивая и уверенная в себе, Фрэн любила планировать все заранее, подходила к любой проблеме без спешки. В этом она напоминала мою первую жену, хотя та была при этом порывиста и носила в себе вагоны эмоций. Хочется думать, что я умею учиться на своих ошибках. И если предложил Фрэн брак, то потому, что мы, за неимением более романтического понятия, совместимы в лучшем смысле этого слова.

Фрэн работала виртуальным секретарем, то есть, не выходя из дома, согласовывала встречи и бронировала авиабилеты для людей, которых ни разу не видела. Вместо серег она носила наушники блютуз — вставляла их, едва проснувшись, а вынимала, только ложась в постель. Большую часть дня со стороны она выглядела так, будто ведет долгую беседу с самой собой.

Близнецам, Алексу и Вэлли, в этом году исполнилось десять. Дружные братья, но совсем непохожие. У Вэлли заячья губа и вид чуть угрожающий, словно мальчик только и ждет, когда вы повернетесь к нему спиной. На самом деле из двоих он более милый ребенок и более простодушный. Из-за генетической ошибки он родился с расщепленным нёбом, и, хотя операция это исправила, лицо осталось несовершенным, неточным, уязвимым. Его брат Алекс, при сравнительно ангельской внешности, в последнее время имел неприятности из-за драк. Для него эта проблема ненова — он еще в песочнице мигом вступал в бой со всяким, кто насмехался над его братом. С годами инстинкт защитника развился в непреодо-

лимую потребность отстаивать изгоев: толстяков, «ботаников», детей со скобками на зубах. Несколько месяцев назад — после того как меня третий раз за полугодие вызвали в дирекцию, — мы с Фрэн, угощая его обедом в кафе, стали объяснять, что одобряем защиту слабых, но ему нужно научиться действовать не одной силой.

— Если ты хочешь, чтобы задиры усвоили урок, — говорил я, — должен их чему-то учить. А насилием, поверь мне, ничему научить нельзя.

У Алекса всегда был острый ум и хорошо подвешенный язык. Он очень быстро стал первым в классе спорщиком. Теперь каждое требование доесть овощи или помочь в уборке он обращал в аристотелевский диспут.

Мне некого было винить, кроме самого себя.

Это наша первичная семья. Отец, мать и двое сыновей. Дэниел, сын от моего первого барка, в трудном подростковом возрасте год прожил с нами, но отбыл так же внезапно, как и появился: разбудил меня однажды на рассвете и попросил подкинуть до аэропорта. Когда мы с его матерью разошлись, ему было семь, и, когда я уехал на восток, он остался с ней на западном побережье.

Через три года после короткого пребывания у нас восемнадцатилетний Дэнни поступил в колледж. Но бросил, не проучившись и года, сел в машину и поехал на запад. Позже он станет говорить, что хотел «посмотреть страну». Нам он не сообщил об отъезде. Я сам послал ему в общежитие открытку, которая вернулась со штампом: «Адресат больше не прожи-